Шнитке Альфред 12.11.04

концерт

День милиции отметили классикой

Геннадий Рождественский почтил память Альфреда Шнитке

Пригласив для совместного выступления Николая Расторгуева (слева), Геннадий Рождественский (справа) вновь показал себя самым прогрессивным музыкантом своего поколения Фотограф Франк Вильягра / Газета

Газета - 2004 - 12 нояб. - с. 13.

илья овчинников

Абонемент Геннадия Рождественского завершился ярким концертом, посвященным 70-летию со дня рождения Альфреда Шнитке. Вечер оказался важным дополнением к недавнему фестивалю музыки Шнитке, программе которого не хватало театральности и гротеска.

Один из персонажей Владимира Сорокина мечтал о том, как было бы здорово, если бы Брайан Ферри и Брайан Ино объединились в группу. И хотя ирония автора в адрес невнимательной публики очевидна (два Брайана в течение нескольких лет играли вместе в Roxy Music), ход мысли героя хорошо знаком. Кто из нас не думал об «идеальной группе» из музыкантов, которые в жизни не вышли бы на одну сцену? Реальность превосходит воображение, и вот уже Ян Андерсон играет на флейте у Uriah Heep, а Земфира поет вместе с гитаристом и барабанщиком Queen. Еще менее предсказуемые альянсы возникают на стыке жанров: когда-то Геннадий Рождественский приглашал для своих программ Людмилу Зыкину и даже Аллу Пугачеву (концерт с участием последней был запрещен). Теперь настала очередь солиста «Любэ» Николая Расторгуева, исполнившего Балладу из фильма «Сказ про то, как царь Петр арапа женил».

Столь неожиданный выбор солиста был более чем принципиален — сюита, составленная дирижером, исполнялась впервые. Вместе со вступительным словом ее исполнение заняло час, пролетевший абсолютно незаметно. Преамбула Рождественского, как всегда, органично сочетала несочетаемое — «Арапа Петра Великого» и «Московскую сагу», цитаты из Фаддея Булгарина и Михаила Шолохова. Собственно музыка сюиты, отчасти знакомая по фильму, представляла типичный для Шнитке калейдоскоп стилей и настроений: не случайно многие темы «Царя Петра» стали основой Первого концерто гроссо, «калейдоскопического» по своей идее. Здесь нашлось место и искренней лирике, и лихому маршу (дирижер посвятил его Дню милиции), и изящному гавоту в духе Куперена, и масленичному разгулу, напомнившему «Петрушку» Стравинского (что не преминул отметить и сам маэстро).

Наиболее ощутимо — сильнее, чем мог бы рассчитывать композитор — стили смешались в Балладе, исполненной Расторгуевым. Узнаваемая манера Шнитке оказалась удивительным образом умножена на столь же узнаваемую интонацию «Любэ». Когда Расторгуев пропел: «Ведет народ за короля // В сражение солдат», впору было ущипнуть себя и спросить, не звучит ли песня «Комбат». На сцене Большого зала Консерватории с оркестром за спиной Расторгуев чувствовал себя несколько зажато; в его исполнении более убедительна была бы одна из песен Высоцкого, написанных для фильма, — впрочем, к музыке Шнитке это уже не относится. Ярчайшим номером сюиты оказался «Бред Натальи», сопоставленный Рождественским со «Сном Татьяны» и украшенный солирующей бас-гитарой. Яркая, искрометная киносюита явилась контрастом по отношению к более «серьезным» сочинениям композитора, звучавшим в первом отделении: Торжественный кант, Восьмая симфония и Шестой кончерто гроссо.

Последние симфонии Шнитке тяготеют к малеровской традиции, и здесь особенно показательна Восьмая с ее двадцатиминутным адажио в середине. Более сильное впечатление произвели, однако, «крайние» части симфонии, где Шнитке верен в большей степени себе, нежели Малеру. Огорчила не слишком аккуратная игра медных духовых, роль которых в сочинении особенно важна. Зато в целом концерт позволил по-новому взглянуть на недавний фестиваль музыки Шнитке, выявив один из минусов его программы. Шнитке предстал на форуме мрачным и крайне серьезным композитором — исключением из этой тенденции были три-четыре сочинения. Между тем заметная часть его опусов тяготеет к театральности, к гротеску, к юмору, которых так не хватало на фестивале: об этом напомнила великолепно составленная сюита, ставшая гвоздем не только одной программы, но и всего абонемента. Сюиту завершила «Стихира» в пронзительном исполнении хора мальчиков; перед этим Рождественский прочитал два стихотворения Пушкина, тем самым словно прощаясь с Москвой на целый год.

65